

ВОСПРИЯТИЕ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ И ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НЕЁ¹

1. Вступление
2. Грамматическая корректность как градуированная величина в русистике
3. Относительные оценки грамматической корректности
4. Предварительное исследование
5. Итоги
6. Литература

1. Вступление

В лингвистических исследованиях последних десяти лет возросло количество работ, воспринимающих грамматическую корректность языковых единиц как градуированную величину [Keller 2000; Featherston 2006; Meyer 2004; Bermel 2008; Fedorenko/Gibson 2010 и т.д.]. Это означает, что носители языка квалифицируют языковые выражения не только однозначно как грамматически правильные или нет, но также в пределах грамматичности могут оценивать языковые элементы как более или менее приемлемые [ср. Keller/Sorace 2005]. По отношению к разным языковым феноменам критерии приемлемости сильно расходятся. Много подобных примеров наблюдается в области категории аспекта: носители русского языка не всегда едины в оценке того, является ли в определенном контексте использование обеих аспектных форм грамматически правильным [Гловинская 2000] или будет ли приемлемой та или иная глагольная лексема в определенной функции аспекта [Anstatt 2003]. В качестве другого примера сошлёмся на категорию одушевлённости – выбор падежной формы наименований животных женского рода множественного числа в сочетании с именами числительными от 2 до 4 [Grannes 1986; Русская грамматика 1980: 575].

Представленное здесь предварительное исследование преследует две обуславливающие друг друга цели. С одной стороны, должно быть определено, насколько оправдано применение *методики термометра* [см. *Thermometer judgements* в Featherston 2004; 2006], позволяющей экспериментально получить относительные оценки информантов при анализе периферии некоторых грамматических категорий русского языка: аспекта, падежа, рода, одушевлённости и т. д. С другой стороны, результаты этого исследования должны показать, как воспринимает взрослый человек грамматическую систему родного языка.

Эмпирическую основу исследования обеспечивает эксперимент, в рамках которого примерно 100 взрослых носителей языка оценили 28, согласно нормативным грамматикам русского языка, корректных, маргинальных и аграмматичных предложений.

2. Грамматическая корректность как градуированная величина в русистике

Мысль о том, что грамматическая корректность не является для носителей языка величиной абсолютной, в русистике не нова. Данная тема рассматривалась, в основном, в следующих трех направлениях:

- 1) грамматические (синтаксические, морфологические, словообразующие) варианты в русском литературном языке;
- 2) диахроническое изменение литературно-языковой нормы;
- 3) корреляция между диалектными и литературно-языковыми выражениями.

Фундаментальным трудом, который охватывает все 3 направления, является словарь «*Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов*» Граудиной, Ицкович и Катлинской. Он появился в 1976 г. и с тех пор несколько раз переиздавался. Словарь преследует, прежде всего, нормативные цели [ср. Пешковский 1923/1959]:

«Как показывает название настоящего словаря, по своему жанру он становится в ряд словарей, посвященных проблемам кодификации и нормализации литературного языка. Опираясь на литературную

¹ Первая редакция данной статьи была опубликована на немецком языке под названием «*Schwankungen von Sprecherurteilen aus kognitiver Sicht*» в сборнике: Anstatt, T. / Norman B. (ред.), *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik*. Славянские языки в когнитивном аспекте. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Предлагаемый читателю вариант несколько изменен и дополнен.

норму, на правильную образцовую речь, словари этого типа отвечают на вопрос, как лучше, как правильнее сказать, какой вариант предпочесть в данной речевой ситуации.» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976; 2007: 9]

Несколько иные цели преследует М.Я. Гловинская в своих работах «*Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок)*» (1996) и «*Новое в функционировании видо-временных форм в русском языке (на материале языка метрополии и эмиграции)*» (2000). Автор приводит разные отклонения от кодифицированной нормы в области категорий падежа и аспекта, а также в употреблении притяжательных местоимений, деепричастий и т. д., которые в устной речи хотя и наблюдаются, но нормативными не являются. Названные работы являются своего рода собраниями документов¹. Дополнительно проводились опросы, в ходе которых информанты оценивали определенные языковые выражения как норму или отклонения от неё.

В течение последних лет появилось несколько работ, в которых исследование фокусируется не только на языковом материале, но также и на носителе языка [Meyer 2004; Норман 2005]. Эти работы убедительно показывают, что носители языка не только различают норму и её отклонения, но и способны из нескольких грамматических вариантов выбрать наилучший. Они в состоянии также оценить грамматическую корректность языковых фактов максимально дифференцированно².

Несколько подробней хочется остановиться на статье Б.Нормана [2005] «*Языковые правила: выбор варианта языковой единицы*». В её основе лежит эксперимент, в рамках которого тестировались 30 предложений из русской литературы с маргинальными феноменами в области лексики (*Трава чистила ботинки*) и грамматики (*Всем было счастье*). Экспертами являлись 100 студентов, обучающихся в 1-м семестре по специальности «русистика», которые оценивали вышеназванные предложения по школьной шкале оценок. При этом лучшие предложения получали оценку «5», а самые плохие – «1».

Анализ данных показал, что разделение языковых фактов на «правильные» и «неправильные» представляется весьма упрощённым и не соответствует языковому чутью носителя языка. Другой интересный результат состоял в том, что информанты относительно редко ставили оценку «3» и не скупались на «единицы», «двойки» и «четвёрки», т.е. были в своих суждениях относительно категоричны.

Большинство других авторов работ по славистике, в рамках которых поднималась проблема грамматической корректности, предметом исследования выбирали синтаксис, в том числе порядок слов в предложении [Meyer 2004; Fedorenko/Gibson 2010 и т.д.].

3. Относительные оценки грамматической корректности

Представленная и использованная в данной работе методика принадлежит к тому же типу, что и метод, который применил в своём исследовании Б.Норман [2005]. Однако они отличаются способом реализации. В следующей части на фоне различных лингвистических типов данных будет рассматриваться *методика термометра*.

3.1 Типы данных в языкознании

Исследователи языка со времён античности используют в основном два метода: с одной стороны, проводится анализ так называемых «обнаруженных» языковых данных, а с другой стороны, язык рассматривается как бы изнутри, с позиций самого говорящего [ср. Робинс 1973:11]. Под «обнаруженными» данными понимают в современном языкознании, к примеру, письменные литературные произведения, а также устные или письменные электронные (лингвистические) корпуса, т.е. специальные собрания текстов определенной эпохи и т. д. (ср., например, различные национальные корпуса). При этом решающим фактором является то, что эти данные существуют независимо от участия исследователя и от постановки определённых задач [Anstatt 2008], поэтому их можно назвать объективными. Близки к «обнаруженным» языковым данным те, которые получают в рамках лонгитюдных и срезовых исследований, так называемые спонтанные или естественные речевые данные. Хотя эти данные и генерируемые, в том смысле, что они возникли в результате участия исследователя и постановки проблемы, большинство ученых пытаются

¹ «Материал для изучения мы черпали главным образом из газет, радио- и телеречи, реже разговорной речи конца 80-х – начала 90-х гг., ориентируясь на неправильности почти исключительно у носителей литературного языка.» [Гловинская 1996: 238]

² Отдаление от абсолютных оценок наблюдается в настоящее время в различных лингвистических областях и «заключается в более или менее отчетливом отходе от «системоцентричного» подхода к языковым явлениям» [Князев 2007: 15]. Так, например, Князев понимает обязательность и грамматичность как градуированные величины [там же: 39-43]. Норман [2005] резюмирует данное явление словами М. В. Панова [1988]: «Раньше нормой был запрет, теперь нормой стал выбор».

как можно меньше влиять в языковом отношении на своих информантов. Как и при «обнаруженных» данных, речь идет здесь о производстве речи, т.е. языковом материале, который может рассматриваться как бы снаружи.

В настоящем исследовании используется интроспективный метод, который в противоположность производству речи оценивает лингвистические феномены на основе интуиции носителя языка. Между приверженцами обеих методических традиций, т.е. рассмотрения языка, так сказать, снаружи и изнутри, имеются многочисленные разногласия. Наиболее существенные из них связаны с генеративистской лингвистической школой: Хомский [1964 и др.] упрекал американских структуралистов школы Блумфелда в том, что «их работы основываются лишь на внешнем наблюдении за устной и письменной формой языка» [Робинс 1973: 2]. Но та же интроспекция, которая для Хомского и его сторонников являла собой главный лингвистический метод, подвергалась резкой критике: интроспективные выводы субъективны, неточны, едва ли квантифицируемы и не представляют собой ни производство, ни восприятие речи [ср. Labov 1975; Sampson 2001].

Кроме того, оценки лингвистических феноменов носителями языка не всегда совпадают со спонтанным языковым поведением (ср. т.н. *парадокс наблюдателя*): «В лингвистических исследованиях интервью или анкетные опросы имеют общую технику. Однако общая методологическая проблема таких методов сбора информации состоит в том, что обычно лингвист хочет знать о действиях говорящего, когда тот не находится под наблюдением, но единственный способ узнать об этом, – наблюдать за ним. Эта печально известная из социолингвистических работ проблема стала называться парадоксом наблюдателя. Люди склонны оценивать нестандартные формы как плохие, дистанцироваться от них, когда их об этом спрашивают, хотя сами активно используют такие формы. Например, Labov [1975] сообщает о случае с человеком, который осуждал использование выражения *any more* в положительных контекстах, как в *John is smoking a lot any more*, находил это плохим, но позже слышали, как он активно употреблял эту форму» [Sampson 2001: 3-4] [цитируется по Penke/Rosenbach 2004: 490].

Чтобы сгладить недостатки корпусных и интроспективных данных, в последнее время оба метода часто объединяют [Anstatt 2008; Bermel 2008; Dieser 2009]. Тем не менее, невозможно исследовать каждый языковой феномен с помощью как частотных данных, так и интроспекции: каждый из этих типов данных имеет свою специфику и определенные ограничения [Berger 2001]. Периферийные языковые области, с точки зрения грамматической корректности пограничных случаев, очень хорошо исследуются на основе интроспективных данных [Körpke / Schmid 2004], в то время как в корпусах такой материал практически отсутствует.

3.2 Экспериментальная методика термометра

Если в современной лингвистике используются интроспективные данные, то они более не принадлежат только интуиции исследователя, а базируются на материале информантов. Для получения таких данных часто выбирают экспериментальный метод относительной оценки грамматической корректности. Названные выше недостатки получения интроспективных данных при этом методе практически устраняются, т. к. учитываются рекомендации по контролю тестирования языкового материала, проведению исследования и обработке данных.

Однако существуют различные способы реализации подобного эксперимента. В качестве типичного примера можно привести *метод термометра* [см. *Thermometer judgements* Featherston 2004; 2006]¹. Данный метод используется в настоящем исследовании, поэтому будет описан подробно.

Метод термометра позволяет получить в рамках веб-эксперимента интроспективные градуированные данные [Keller et др. 1998]. Градуированными они называются потому, что информанты выбирают не между «грамматически корректными» и «грамматически ошибочными», а выражают свою оценку естественности тестируемых предложений при помощи различных чисел. Следует заметить, что в отличие от других методов, например того, который использовал Б.Норман [2005], здесь предлагается оценить *есте-*

¹ Своими истоками эта методика, вероятно, восходит к семантическому дифференциалу, предложенному американским психологом Осгудом. «Семантический дифференциал (СД) – это метод количественного и качественного индексирования значения с помощью двухполюсных шкал, задаваемых парой антонимичных прилагательных, между которыми даны градации степени вхождения того или иного слова в данное качество» [Варфоломеев 2000: 10]. Семантический дифференциал стал прародителем многих способов шкалирования. Но до недавнего прошлого применялись они – как говорит само название – преимущественно в исследованиях по семантике и лишь в последние десять – пятнадцать лет стали использоваться в работах, связанных с синтаксисом и морфологией.

ственность предложений, а не грамматическую правильность. Кроме того, каждая оценка дается относительно числового значения двух других предложений, эти значения устанавливаются руководителем эксперимента.

Эксперимент построен следующим образом: испытуемым предлагаются в определённой очередности предложения для тестирования. Информант видит на мониторе только одно тестируемое предложение и два контрольных, переход к следующему тестируемому предложению возможен только после оценки предыдущего. Подборка тестируемых предложений включает грамматически корректные, маргинальные и аграмматичные. Контрольные предложения могут выглядеть так: одно из них соответствует литературной норме и ему присваивается числовое значение 30, другое относится к разговорной речи, оно получает значение 20. Перед испытуемым ставится примерно такой вопрос: если предложение А оценивается числовым значением 30, а предложение В числовым значением 20, то какое значение вы присвоите тестируемому предложению С? Шкала, которую используют информанты, не имеет конечных полярных значений, т.е. тестируемому предложению можно присвоить любое числовое значение.

Материал эксперимента контролируется в плане содержания и формы, т.е. тестируемые предложения предельно понятны, имеют приблизительно одинаковую длину и каждое из них содержит только одно отклонение от нормы [Featherston 2006: 54].

Во избежание *парадокса наблюдателя*, каждый эксперимент, помимо тестируемых предложений, содержит достаточное количество тех, где отклонения от нормы наблюдаются в других грамматических категориях. Такие предложения включают в общую структуру с целью отвлечения внимания информантов от научных интересов исследователя. «Искусство хорошего интервьюера должно преодолевать парадокс наблюдателя идеально косвенными методами сбора информации, которые маскируют то, чем интересуется исследователь, оставляя информантов в неведении.» [Penke/Rosenbach 2004: 490]

В целях повышения объективности данных рекомендуется вводить в каждый эксперимент одни и те же стандартные предложения, которые располагаются в различных оценочных зонах шкалы [Featherston 2006: 54]. Вследствие этого каждый эксперимент состоит из грамматически корректных, маргинальных и аграмматичных предложений.

При проведении эксперимента должны соблюдаться следующие условия:

- минимум 25 информантов;
- две предварительных фазы, подготавливающих испытуемых к основному тесту и фильтрующих «ненадежную» информацию;
- получение метаданных;
- измерение времени реакции.

При оценке данных большую роль играют также статистические приёмы. Как уже упоминалось, в рамках данного метода тестируемым предложениям может быть присвоено любое числовое значение. Вследствие этого информанты используют разные шкалы: если один из испытуемых выражает свою оценку предложений весьма дифференцированно, используя при этом числа от 0 до 40, то другой остаётся в пределах шкалы между отметками 20 и 25. Чтобы сравнивать подобные результаты, необходимо привести оценки шкалирования к одному виду.

Такая стандартизация осуществляется по следующей формуле¹:

$$Z_i = \frac{X_i - \bar{X}}{S}$$

Полученные в результате оценки называют стандартизированными или нормализованными.

4. Предварительное исследование

Представленное ниже предварительное исследование имеет две цели. Необходимо, во-первых, определить, насколько *метод термометра* пригоден для исследования периферии грамматических категорий русского языка. Под периферией в данном случае понимаются такие языковые феномены, которые носитель языка воспринимает как пограничные между грамматически корректными и аграмматичными. Во-вторых, результаты эксперимента должны пролить свет на восприятие информантом грамматической системы родного языка.

¹ Z_i = стандартизированная величина, X_i = индивидуальная оценка, \bar{X} = средняя оценка, S = стандартное отклонение.

4.1 Тестируемый материал и проведение эксперимента

В рамках предварительного исследования проводились 4 теста¹, в каждом из которых оценивались в среднем 16 предложений (4 грамматически корректных, 4 аграмматичных и 8 с маргинальными феноменами). Тестируемый материал частично заимствовался у других исследователей [Гловинская 1996; 2000 и т.п.], частично основывался на собственных наблюдениях. В состав материала входили следующие области грамматики:

- категория аспекта, например, употребление глаголов совершенного вида с наречием *никогда* (*На работе никто никогда не спросил меня о семье*) [ср. Гловинская 2000: 161];
- категория падежа, например, выбор предложного падежа вместо родительного (*В большинстве случаев преподаватель отвечал на вопросы студентов весьма подробно*) или выбор именительного падежа вместо косвенного [Гловинская 1996: 267];
- категория рода, например, отнесение существительного мужского рода *домина* к существительным женского рода (*Огромная домина преградила нам путь*) [Dieser 2009: 158];
- категория одушевлённости, например, склонение наименований животных женского рода множественного числа в сочетании с именами числительными от 2 до 4 как неодушевлённых существительных (*Они увидели две лягушки*) и т. д. [ср. Grannes 1986; Русская грамматика 1980: 575; Anstatt 2009].

Чтобы проверить, было ли причиной низких оценок предложений наличие маргинальных феноменов, в другом эксперименте проводилось тестирование эквивалентных предложений без маргинальных явлений. К примеру, для предложения *На работе никто никогда не спросил меня о семье* контрольную функцию выполняло предложение *На работе никто никогда не спрашивал меня о семье*.

В проведенных в рамках предварительного исследования экспериментах большинство условий *метода термометра* соблюдалось. С учётом факта, что используемый в работе метод сам становился объектом исследования, некоторые положения инструкций были намеренно изменены, а именно:

- предложения имели частично разную длину, при этом выяснялось, повлияет ли данное обстоятельство на их оценку и если «да», то как;
- в тестах принимало участие различное количество информантов (в каждом из первых трёх – 28-29 соответственно, а в четвёртом тесте – только 12). Данный аспект позволил проанализировать, влияет ли величина группы на результаты эксперимента;
- некоторые предложения повторялись в двух тестах, чтобы определить, есть ли сигнификантная разница оценки одного и того же предложения в различных экспериментальных контекстах и у разных групп информантов.

4.2 Результаты предварительного исследования

Анализ результатов начнём с того, насколько *метод термометра* пригоден для исследования периферии грамматических категорий русского языка. В этой связи необходимо ответить на вопрос, была ли реакция информантов на один и тот же языковой феномен сходной или она существенно отличалась.

В качестве проверки отдельные предложения с модификацией и без неё повторялись дважды в разных тестах. Графические изображения 1 и 2 показывают, что носители русского языка относительно сходно ведут себя при оценке одних и тех же предложений. Участники как первого, так и второго теста давали предложению *На работе никто никогда не спрашивал меня о семье*, не содержащему модификации, в среднем оценку «1». Приблизительно ту же оценку получало предложение *В большинстве случаев преподаватель отвечал на вопросы студентов весьма подробно* от участников третьего и четвёртого тестов.

Предложение *На работе никто никогда не спросил меня о семье* содержит модификацию. Здесь наречие *никогда*, со значением неопределённой кратности, сочетается с глаголом совершенного вида. Гловинская [2000] сообщает о возрастающей приемлемости таких структур. Участники третьего и четвёртого тестов (см. рисунок 1, тест 3 и 4) присвоили этому предложению в среднем значения, лежащие в области от «0» до «-0,5». Это значит, что предложение звучит для испытуемых не совсем «естественно», но не кажется им совершенно невозможным. То же можно сказать и о предложении *В большинстве случаев преподаватель отвечал на вопросы студентов весьма подробно* (рисунок 2, тест 1 и 2). Здесь модификация проявляется в том, что существительное «случаях» стоит не в родительном падеже, как того требует существительное *большинство*, а в предложном. Выбор предложного падежа осуществляется, возможно, под

¹ Все тесты проводились с помощью программы WebExp [Keller и др. 1998], которая для целей исследования была частично изменена.

влиянием управления предлога *в*, ср. *в случаях* (другие возможные объяснения данного явления см.: Гловинская 1996).

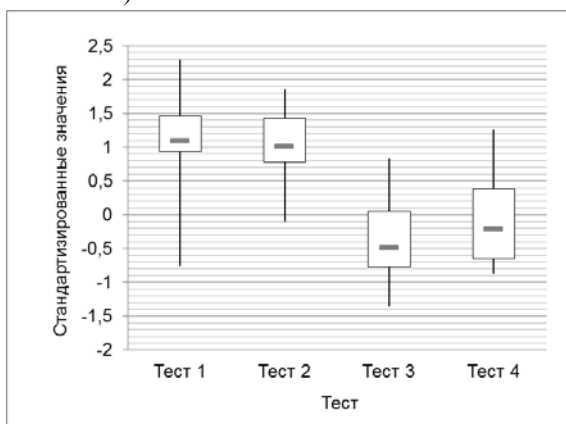

Рис. 1, тест 1,2: На работе никто никогда не спрашивал меня о семье. Тест 3, 4: На работе никто никогда не спросил меня о семье¹

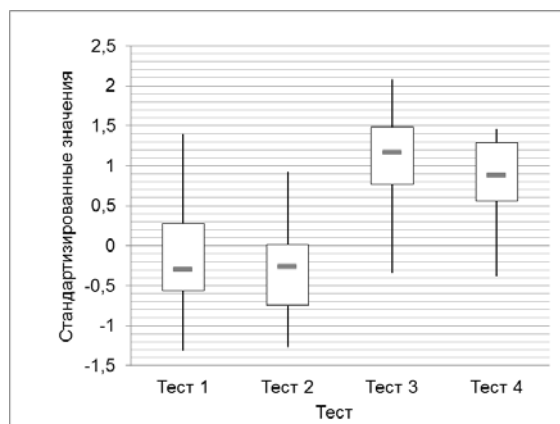

Рис. 2, тест 1,2: В большинстве случаев преподаватель отвечал на вопросы студентов весьма подробно. Тест 3, 4: В большинстве случаев преподаватель отвечал на вопросы студентов весьма подробно

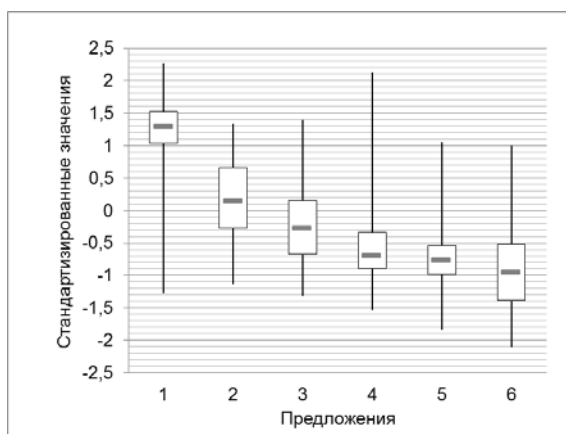

Рис.3: 1. Кто разрешил тебе выйти на улицу?
2. Не всё, что кажется неразумно, является таковым на самом деле.
3. В большинстве случаев преподаватель отвечал на вопросы студентов весьма подробно.
4. Об этих художников уже писали.
5. Сегодня я намереваюсь посмотреть хорошего фильма.
6. Виктор начал написать курсовую работу в конце семестра.

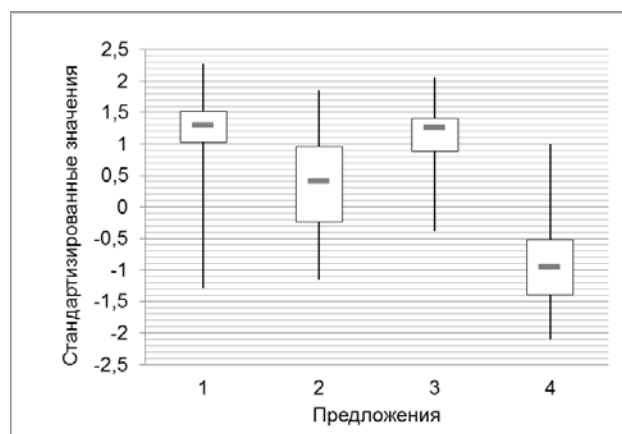

Рис.4: 1. Кто разрешил тебе выйти на улицу?
2. В любом кафе города можно заказать чашку чаю.
3. В любом кафе города можно заказать чашку чая.
4. Виктор начал написать курсовую работу в конце семестра.

Подытоживая, можно утверждать, что большинство информантов очень сходно ведут себя при оценке одного и того же предложения даже в различных экспериментальных контекстах. Статистическим анализом подтверждается: между средними оценками одних и тех же предложений двумя группами информантов не существует сигнификантного различия. Но сигнификантное различие имеется между средними оценками эквивалентных предложений с модификацией и без неё (см. рисунок 1 и 2). При этом величина группы на результаты не повлияла.

Перейдём к сравнению предложений с маргинальными грамматическими феноменами и аграмматичных предложений. Графическое изображение на рисунке 3 показывает, что при шкалировании грамма-

¹ Необходимо сказать несколько слов, которые облегчат прочтение графиков. После приведения оценок шкалирования к одному виду, предложениям, соответствующим литературной норме, присваивалось в среднем значение «1» и выше, аграмматическим – от «-1» и ниже. «0» означает приблизительно границу грамматической корректности. Средние оценки предложений с маргинальными явлениями располагаются на шкале между отметками «0,5» и «-0,5». Графическое изображение имеет следующее значение: горизонтальная линия в прямоугольниках обозначает медиану, сам прямоугольник показывает область разброса у 50% участников эксперимента, чьи оценки ближе всего находятся к медиане. Вертикальная линия представляет всю область разброса, включая экстремальные значения.

тически некорректных предложений (пятого и шестого¹) и маргинальных не наблюдается столь существенного различия в оценках, как между маргинальными и нормативными (первое предложение). Переход скорее постепенный. Но если сравнивать оценку второго и третьего предложений с шестым, то дифференциация очевидна. Маргинальные феномены здесь – употребление краткого (несклоняемого) прилагательного *неразумно* вместо полного прилагательного в форме творительного падежа (второе предложение), употребление предложного падежа вместо родительного (третье предложение), а также родительного вместо предложного (четвёртое предложение) [Гловинская 1996].

Метод термометра позволяет сделать заметными различия в восприятии современных и устаревших норм. Так, предложение *В любом кафе города можно заказать чашку чаю*, соответствующее нормативным грамматикам, оценено как менее естественное, чем предложение *В любом кафе города можно заказать чашку чая*.

Итак, значения, присвоенные предложениям с маргинальными феноменами, заметно отличаются как от значений грамматически безупречных предложений, так и от оценки грамматически некорректных.

Всё же нужно назвать несколько далеко не однозначно интерпретируемых результатов, которые могут быть восприняты в качестве проблемы метода. К примеру, предложение *Виктор начал написать курсовую работу в конце семестра* (средние оценки: -0,87 / -0,92) было оценено как менее приемлемое, чем предложение *Он начал написать курсовую работу в конце семестра* (средние оценки: -0,31 / -0,77), хотя сама по себе замена имени собственным местоимением не вызывает изменений в грамматической корректности.

Метод термометра предоставляет исследователю, помимо непосредственных оценок говорящих, некоторую дополнительную информацию. Речь идет о времени реакции информантов. Данная характеристика во многих психолингвистических экспериментальных методах является главной, т. к. отражает интеллектуальную нагрузку информантов при выполнении заданий. Чем сложнее задание, тем больше времени уходит на его обработку [Секерина 2002:253]. Предварительный анализ этой информации в проведенных тестах показал, что усложнение задания связано прежде всего с длиной высказывания. Следующим фактором, увеличивающим время реакции, была грамматическая неоднозначность речевого феномена.

В первом тесте наибольшее время (средний показатель: 17 секунд) понадобилось для оценки предложения «*Зачем ты брала эти книги, у меня же они есть?*» - *спросил Антон, видя, что Аня выходит из библиотеки*. Предложение содержит неоднозначно оцениваемое употребление несовершенного вида (*брала*) и имеет наибольшую длину.

Следующим по сложности в первом тесте оказалось предложение *Он смог быстро переписывать текст*. Относительно длительное время реакции (средний показатель – 14 секунд) при сравнительно коротком предложении, возможно, означает, что информанты пытались сконструировать контекст, в котором употребление инфинитива в несовершенном виде было бы приемлемым. Наиболее короткое время реакции (средний показатель – 8-9 секунд) было зафиксировано у грамматически корректного предложения *На работе никто никогда не спрашивал меня о семье, у аграмматичного Виктор начал написать курсовую работу в конце семестра* и маргинальных предложений *Они увидели две лягушки / Я забрала мою куртку из гардероба последней*. Анализ данных показывает, что отнесение речевых фактов к пограничной зоне, расположенной между грамматически корректными и аграмматичными явлениями, не увеличивает автоматически уровень сложности задания.

Сравнение результатов данного исследования с теми, которые получил Б.Норман [2005], выявляет как сходства, так и различия. Сходны они в признании грамматической корректности градуированным феноменом, а различаются тем, что информанты Нормана склонялись к категоричным оценкам в большей степени. Предположительно, причина такой категоричности связана с тестируемым материалом. Все тестируемые предложения, которые Норман [2005] предоставил своим испытуемым, содержали грамматические или лексические отклонения. Материал данного исследования, напротив, охватывает помимо маргинальных примеров, как нормативные, так и неприемлемые с грамматической точки зрения. Другая возможная причина дифференциации результатов – иная постановка задачи. В противоположность Норману [2005], который спрашивал о *правильности* предложений, информанты в этой работе говорили о *приемлемости* грамматических феноменов.

¹ Оба предложения придуманы мною и не заимствованы из какого-либо корпуса. В пятом предложении словосочетание *хорошего фильма* употребляется в винительном-родительном падеже, как при одушевленных существительных, а не в винительном-именительном. В шестом предложении в сочетании с глаголом *начал* употреблён инфинитив совершенного вида *написать*.

Заключение

- *Метод термометра* пригоден для исследования периферии русской грамматики, в частности грамматических категорий аспекта, падежа, рода и одушевленности.
- Носители языка подразделяют языковые факты на правильные и ошибочные не категорично, а воспринимают их грамматическую корректность весьма градуированно. Таким образом, известная из области семантики концепция прототипов [Rosch в 1975 и т.п.] применима также для восприятия грамматики¹.
- Градулируемая оценка языковых феноменов не произвольна, а совпадает у большинства испытуемых.
- Недостатки метода проявляются в отдельных трудно интерпретируемых результатах, возможно связанных с невнимательностью информантов.

Литература на русском языке

- Анисимов А. В., Белецкий М. И., Севбо И. П.* К построению малых баз данных с диалогом на естественном языке // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 5, 1984.
- Варфоломеев А.П.* Психосемантика слова и лингвостатистика текста. Калининград, 2000.
- Гловинская М.Я.* Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. 237-304.
- Граудина Л.К.* и др. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 1976; 2007.
- Илюхина Н.А.* Аномальные словоупотребления как следствие метонимических механизмов переноса: проблема квалификации // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А.Кормилицыной, О.Б.Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Вып. 9. С.12 – 19.
- Князев Ю.П.* Грамматическая семантика. Русский язык в топологической перспективе. М., 2007.
- Норман Б. Ю.* Языковые правила: выбор варианта языковой единицы // Русский язык и литература. Минск, 2005, № 2. С. 43-48.
- Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Пешковский А. М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1923 / 1959. С. 50-62.
- Ревзин И.И.* Метод моделирования и типология славянских языков. Москва, 1967.
- Русская грамматика.* Том. 1, 2. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
- Секерина, И.* Психоллингвистика // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002.

Литература на иностранных языках

- Adli, A.* Grammatical Variation and Sozialstruktur. *Studia Grammatica* 58, Berlin, 2004.
- Altenberg, E. P./Vago R. M.* The role of grammaticality judgments in investigating first language attrition, в: Schmid M. и др. (ред.), *First language attrition. Interdisciplinary perspectives on methodological issues.* Amsterdam / Philadelphia, 2004. С. 105-129.
- Anstatt, T.* Aspekt, Argumente und Verbklassen im Russischen. *Habilitationsschrift.* Universität Tübingen, 2003.
- Anstatt, T.* Die zweite Generation. Vortrag bei der Tagung Sprachräume – Kommunikationsräume. Zur Situation von Standardsprachen außerhalb des «Mutterlandes». Bochum, 2008.
- Anstatt, T.* Von Fröschen und Jungen. Die Kategorie der Belebtheit bei Russischsprechern in Deutschland. Vortrag, 35. Konstanzer Slavistisches Arbeitstreffen, Salzburg, 22.9.09, 2009.
- Bard, E.* и др. Magnitude estimation of linguistic acceptability, в: *Language* 72 (1), 32–68, 1996.
- Bermel, N.* Representativity in the Czech National Corpus and acceptability Judgments. Vortrag bei der Tagung POS-3, 30 August. Hamburg, 2008.
- Berger, T.* Thesen zum Podium «Herausforderungen und Perspektiven der slavistischen Linguistik – neue Konzeptionen, Modelle, Methoden» auf dem VIII. Deutschen Slavistentag in Potsdam, 1.10.01, 2001.
- Dieser, E.* Genuserwerb im Russischen und Deutschen. Korpusgestützte Studie zu ein- und zweisprachigen Kindern und Erwachsenen. München, 2009.

¹ О неоднозначном восприятии отклонений от лексической нормы см. [Илюхина].

Glovinskaja M. Ja. Aspektwandel im Russischen, в: Zybatow L. (ред.), Sprachwandel in der Slavia. Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch. – Frankfurt / Main etc., Bd. 1, 2000. С. 159–179.

Grannes A. Rodi mne tri syna: Animacy in Russian Numerals, Norm and Usage, в: Hummel G. и др. (ред.), Festschrift für W. Gesemann. Beiträge zur slavistischen Sprachwissenschaft und Kulturgeschichte 3. München, 1986. С. 108–117.

Featherston S. Experimentell erhobene Grammatikalitätsurteile und ihre Bedeutung für die Syntaxtheorie, в: Kallmeyer W. / Zifonun G. (ред.), Sprachkorpora – Datenmengen und Erkenntnisfortschritt. – Berlin, 2006. С. 49–69.

Fedorenko E. / Gibson E. Syntactic parallelism as an account of superiority effects: Empirical investigations in English and Russian, в: http://tedlab.mit.edu/tedlab_website/researchpapers/Fedorenko%20&%20Gibson%20Superiority%20subm.pdf.]. (12.01.2010; 18:40 Uhr)

Keller F. и др. WebExp: A Java Toolbox for Web-Based Psychological Experiments. Technical Report HCRCrrR-99. University of Edinburgh, 1998.

Keller, F. Gradience in Grammar. Diss. Univ. of Edinburgh. [homepages.inf.ed.ac.uk/keller/papers/phd.pdf]. (21.10.2009; 17:34 Uhr), 2000.

Keller F. / Sorace A. Gradience in Linguistic Data. *Lingua* 2005 / 115 (11). С. 1497–1524.

Köpke B. / Schmid, M. S. Language attrition. The next phase, в: Schmid M. и др. (ред.), First language attrition. Interdisciplinary perspectives on methodological issues. – Amsterdam / Philadelphia, 2004. С. 1–43.

Labov W. What is a linguistic fact? in: Austerlitz, R. (ред.), *The Scope of American Linguistics*. Lisse 1975. С. 77–133.

Meyer R. Zur Syntax der Ergänzungsfrage. Empirische Untersuchungen am Russischen, Polnischen und Tschechischen (= Slavistische Beiträge, Bd. 436). München, 2004.

Meyer R. Superiority Effects in Russian, Polish and Czech: Judgments and Grammar, в: *Cahiers linguistiques d'Ottawa*, Special issue «Psycholinguistics in Slavic» (Guest ed. Danijela Stojanovič), 2004. С. 44–65.

Penke M. / Rosenbach A. What counts as evidence in linguistics? An introduction, в: *Studies in Language* 2004, 28:3. – С. 480–526.

Robins R.H. Ideen- und Problemgeschichte der Sprachwissenschaft mit besonderer Berücksichtigung des 19. und des 20. Jahrhunderts. Frankfurt (Main), 1973.

Rosch E. Cognitive representations of semantic categories, в: *Journal of Experimental Psychology: General* 1975, 104. С. 192–233.

Sampson G. *Empirical Linguistics*. London, 2001.

Seckerina I.A. Building Bridges: Slavic Linguistics Going Cognitive, в: Franks, S. / Andrews, E., / Feldstein, R. / Fowler, G. (Eds.), *Slavic Linguistics 2000: The Future of Slavic Linguistics in America*. Glossos, 8. E-journal of the Slavic and East European Language Research Center, 2008. [<http://www.seelrc.org/glossos/issues/8/sekerina.pdf>]. (12.01.2010; 22:15 Uhr)

С.И. Дубинин (Россия, Самара)

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАФЕДРЕ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Корпусные германистические исследования на кафедре немецкой филологии СамГУ имеют десятилетнюю традицию, активно включены в тематику НИР и носят двоякий характер: создание оригинальных параллельных корпусов и их размещение в сети Интернет и перманентная адаптация и использование разнообразных готовых немецкоязычных исследовательских корпусов (баз данных).

Исследования по первому направлению проходили в рамках проектной темы «**Корпусная лингвистика и новые информационные технологии**», включенной в рамки межкафедрального сотрудничества с университетом города Вюрцбурга в ФРГ (институт немецкого языкознания, руководитель проф. Н.Р. Вольф). Они были начаты на кафедре немецкой филологии СамГУ (руководитель проф. С.И. Дубинин) в 2001 году. Их целью являлось последовательное составление, разметка и компьютерная обработка параллельного немецко-русского корпуса переводных текстов **DER-Korpus: deutsch-russisches**